

На правах рукописи

Пигарь Степан Сергеевич

Власть и самоорганизация общества: социально-политическое и территориальное устройство у абхазов в конце XVIII - второй половине XIX века

Специальность 07.00.07 Этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена в отделе Кавказа ФГБУН Института этнологии и антропологии им Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Научный руководитель: доктор исторических наук
Анчабадзе Юрий Дмитриевич

Официальные оппоненты:

Алексей Хасанович Абазов, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

Рица Шотовна Зельницкая, кандидата исторических наук, старший научный сотрудник Российского этнографического музея.

Ведущая организация: Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева

Защита состоится 20 декабря в 14.00 на заседании диссертационного совета Д.002.117.01. по защите докторских и кандидатских диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Институте этнологии и антропологии РАН по адресу: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а, Малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и на сайте: www.iea.ras.ru

Автореферат диссертации разослан _____ 20 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

Данилко Елена Сергеевна

Актуальность темы диссертационного исследования.

Важным направлением в изучении доиндустриальных обществ является определение вариантов их интеграции в целостную социально-политическую структуру. Изучение потестарных традиций народов мира свидетельствует о множественности путей институализации властных отношений, взаимодействия между властью и социумом, самоорганизации последнего. Один из конкретных исторических вариантов представлен в самобытном социально-политическом и территориальном устройстве горских народов Кавказа, существовавшем в эпоху, предшествующую вхождению в состав Российской империи. Его изучение представляет актуальную задачу историко-этнологической науки.

Актуальность проблемы связана также и с тем, что во многих социумах в последнее время наблюдается традиционализация общественного сознания, возрождение самобытных социальных практик и институтов, в том числе в области политической культуры.

Кавказский регион не остался в стороне от этих процессов. С распадом СССР часть республик бывшего советского Кавказа стали субъектами РФ, другие – самостоятельными государствами. Обретение ими той или иной доли политической самостоятельности в сочетании с длительными социально-экономическими и политическими неурядицами привели к возрождению многих самобытных социально-политических институтов и этнических традиций.

В такой ситуации неполнота знаний о принципах, на которых основывались общественные структуры кавказских народов, упорное стремление рассматривать их политическую культуру и мотивацию в категориях сугубо иерархических обществ, где управление отделено от населения, а люди глубоко отчуждены друг от друга, стали причиной ряда политических катастроф и хронической нестабильности Кавказского региона. То значение, которое сегодня кавказские народы обрели в качестве субъектов региональной политики, заметно превзошло ожидания, основанные на показателях их численности и более чем скромных экономических возможностей.

Разгадка этой контроверзы лежит в социально-политическом устройстве, которое каждый из этих народов создавал в целях интеграции своего общества, превращения его в целостный субъект, обладающий собственной политической волей и механизмами реализации своих интересов. Приоритетным направлением научных изысканий в свете сказанного становится определение путей формирования социально-политических систем, выявление принципов, на которых они основывались, и разновидностей этих систем.

Исконная структура абхазского общества при этом привлекает особый интерес, поскольку являла собой переходную форму между общественным устройством горских народов Северного Кавказа, обладающих развитыми традициями народного самоуправления, и иерархически структурированными феодальными обществами Закавказья. Сочетая в себе структурные черты обоих, она тем самым суммировала в себе ряд ключевых особенностей социально-политических организмов, присущих Кавказскому региону.

Не менее важно, что реконструкция социально-политического и территориального устройства абхазов в период до того, как Абхазия стала частью

Российской империи, дает представление об особенностях общественно-политических традиций народа, не так давно создавшего самостоятельное государство.

Степень изученности темы.

Социально-политическое и территориальное устройство, существовавшее у горских народов Кавказа накануне вхождения региона в состав Российской империи, изучено далеко не полностью. Взгляд на него, сформулированный в научной литературе в середине XX в., нуждается в дополнении и уточнении уже хотя бы ввиду давности лет, на протяжении которых он почти не приводился в соответствие с научными и мировоззренческими реалиями современности.

Социально-политическое и территориальное устройство абхазов прежде не рассматривались исследователями в виде целостной системы. Имеющиеся на данный момент научные работы рассматривали присущие этой системе институты и явления в отрыве друг от друга, а некоторые аспекты, такие, как источники и функции власти в абхазском социуме, принципы управления, территориальное устройство, социальные функции народного схода и ополчения, практически оказались вне поля зрения ученых.

Ситуация осложнялась еще и тем, что исследователи, работающие в данном направлении, были стеснены однолинейным подходом к эволюции человеческих обществ, который предполагал безальтернативный путь развития через централизацию общества и полный переход к сугубо иерархической модели, т. е. - бюрократическому государству как инструменту господства в руках элиты. Движущей силой эволюции общества при этом считалась классовая борьба, а переход к иерархической модели интеграции общества - как неизбежная победа правящего слоя и утверждение его абсолютного господства над обществом.

Определенную роль в доминировании такого подхода играла политическая конъюнктура. К тому же, в указанный период сказывалось отсутствие теоретических воззрений, признававших наличие не одного, а множества вариантов социально-политического развития человеческих обществ. В том числе таких, которые вели не к жесткому классовому антагонизму и победе элиты над остальным обществом, а к социальному консенсусу или даже преобладанию институтов народовластия.

Соответственно социально-политическое устройство абхазов рассматривалось в парадигме классовой борьбы, а важной задачей исследователей становился поиск таких фактов, которые могли бы, вписать абхазскую структуру XVIII-XIX вв. в классическую европоцентричную модель феодального строя. Однако сделать это было непросто, ввиду чего Ш. Д. Инал-ипа, подробно изучавший социальный строй абхазов, вынужден был признать, что сельская община в Абхазии этой модели не соответствует, поскольку "она не выглядела здесь в своей типичной форме: в общинном пользовании находились леса и пастбища, а не пахотные земли, община не знала земельных переделов, а также включала в себя не только крестьян, но и феодалов".¹

¹ Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 395.

Имеющаяся научная литература, затрагивающая тему социально-политического устройства у абхазов, представлена исследованиями, написанными главным образом в 1930-1960-х годах. Их общей характерной чертой является сосредоточенность на изучении сословно-классовых отношений в абхазском обществе изучаемого периода.

Открывается этот ряд работами А. В. Фадеева,² поставившего себе целью показать наличие в Абхазии жесткого классового антагонизма и сложившихся крепостнических отношений. Слабое соответствие традиционной структуры абхазского общества модели классического феодального строя при этом объяснялось наличием множества пережитков родоплеменной эпохи. Социально-экономический строй абхазов преподносился как выгодный лишь знати, а крестьянство, в том числе лично свободное, как однозначно закабаленное. Такой взгляд упрощал представление о созданной абхазами социально-политической модели, однако стал основой для всех последующих научных исследований.

И. Г. Антелава³ и Г. А. Дзидзария⁴ как специалисты прежде всего по политической истории Западного Кавказа рассматривали социально-экономический строй в связи с событиями Кавказской войны, русско-турецкой борьбы за влияние в регионе и вхождении Абхазии в состав Российской империи. В фокусе их внимания - сословия абхазского общества и взаимоотношения между ними, борьба политических групп, а также изменения в хозяйственной жизни и социальном строе. З. В. Анчабадзе как автор обобщающих трудов по древней и средневековой истории Абхазии посвятил специальную работу феодальному строю в Абхазии,⁵ сосредотачиваясь на вопросах землевладения, податей и фактах противоборства между знатью и крестьянством.

Ш. Д. Инал-ипа, являясь этнографом, рассматривал институты и явления, касающиеся социально-политического строя абхазов, как самобытные социокультурные феномены абхазской жизни.⁶ Он посвятил научные изыскания родовым институтам абхазов, обычаям фиктивного родства, образу жизни сословий изучаемого общества.

Из исследований, написанных в постсоветское время, следует упомянуть работы Ш. Д. Инал-ипа⁷ по антропонимии абхазов, О. В. Маана⁸ и Т. А. Ачугба⁹, посвященные социальному строю абхазов, А. Э. Куправа, который рассмотрел абхазский народный сход в его культурно-эстетическом наполнении, а также

² Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931; Фадеев А. В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года. // Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1939. Сборник первый. С. 105-126.

³ Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв. Сухуми, 1949.

⁴ Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958.

⁵ Анчабадзе З. В. Социально-политическая эволюция крупной феодальной сеньории в Абхазии XIX в. // Он же. Избранные труды. Сухум, 2011. Т. II. С. 270-280.

⁶ Инал-ипа Ш. Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке. // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1956. Т. XXVII. С. 71-125; Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.

⁷ Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.

⁸ Маан О. В. Основные черты социально строя. // Абхазы (под ред. Ю.Д. Анчабадзе и Ю.Г. Аргун). М., 2007. С. 322-331; Маан О. В. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. Сухум, 2014.

⁹ Ачугба Т. А. О некоторых особенностях абхазского феодализма. // Абхазоведение. 2011. Вып. V-VI. С. 215-227.

осветил его роль в общественно-политической жизни Абхазии на протяжении XIX-XX вв.¹⁰

Объектом исследования является общество абхазов на завершающем этапе существования Абхазского владетельного княжества накануне и в период его интеграции в состав Российской империи.

Предметом исследования являются традиционные формы социально-политического и территориального устройства у абхазов.

Хронологические рамки работы. Конец XVIII - вторая половина XIX в., вплоть до проведения крестьянской реформы в 1870 г., - это завершающий период существования традиционной социально-политической и территориальной структуры абхазского общества. Позднее присущие ей институты, во многом утратив актуальность, деформировались, изменили свои изначальные функции и структуру, либо вовсе исчезли.

Целью данного исследования является определение принципов и конкретных форм интеграции людей в абхазском обществе - горизонтальных и вертикальных, которые упорядочивали отношения между людьми, превращая людскую массу в целостную структуру.

Задачи исследования заключаются в том, чтобы:

1) по отдельности рассмотреть два варианта интеграции людей в абхазском обществе - вертикальный (иерархический), воплощенный в феноменах лидерства и власти, а также горизонтальный, воплощенный в традициях самоорганизации и институтах самоуправления;

2) показать, каким образом и в каких конкретно организационных формах происходило слияние этих конкурирующих начал в устойчивые социально-политические объединения, локализованные на определенных территориях.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- впервые феномены власти и самоуправления в абхазском обществе становятся самостоятельными объектами исследования;

- выявлена фундаментальная особенность социально-политического устройства абхазов, заключающаяся в соединении двух конкурирующих вариантов интеграции общества: вертикального (иерархического), воплощенного в феноменах лидерства и власти, и горизонтального, воплощенного в традициях и институтах самоорганизации населения;

- показано, что результатом такого соединения явилось формирование суверенного сословного территориального сообщества *акыта*. Это была основная форма социально-политического и территориального устройства абхазов в конце XVIII - второй половине XIX в., которую некорректно рассматривать ни как феодальную общину, ни как пережиток родоплеменного строя, но как оригинальный вариант интеграции населения в политическом, социальном и территориальном отношении.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что на примере абхазского общества описан достаточно уникальный случай

¹⁰ Куправа А. Э. Народные Сходы и ораторское искусство. // Абхазы (под ред. Ю. Д. Анчабадзе и Ю. Г. Аргун). М., 2007. С. 331-339; Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры Абхазов. Сухум, 2008.

достигнутого и закрепленного в структуре общества состояния равновесия элитарного и эгалитарного начал. Это показывает, что вертикальный (иерархический) и горизонтальный (эгалитарный) варианты интеграции общества вполне совместимы и на практике может быть реализован их симбиоз в единую структуру, а также дает пример того, как это может выглядеть в реальности.

Результаты исследования могут внести лепту в развитие нелинейной концепции социальной эволюции как пример того, что иерархический и горизонтальный варианты интеграции общества могут быть сбалансированы в рамках одной социально-политической структуры.

Практическая значимость работы в том, что она может стать еще одним этапом в реконструкции социально-политического и территориального устройства, существовавшего ранее в Абхазии и на сопредельных территориях. Это достаточно актуально в условиях нынешнего возрождения на Кавказе традиционных особенностей политической культуры и социального строя автохтонных народов.

Методология и методы исследования.

Методологической основой работы служит системно-функциональный подход, рассматривающий предмет исследования как целостную структуру, элементы которой находятся в состоянии взаимодействия - и каждый выполняет собственную уникальную функцию. Это позволит описать социально-политическое и территориальное устройство абхазов не как набор изолированных феноменов, а как действующую систему, обеспечивающую жизнеспособность изучаемого общества.

Важным принципом исследования, логически вытекающим из системно-функционального подхода, является выявление причинно-следственных связей, что дает возможность уяснить причины формирования каждого элемента и явления внутри изучаемой системы, а также взаимообусловленность их существования в конкретно-исторической форме.

В работе используется также сравнительно-исторический метод, позволяющий на примере различных по времени и локализации, но аналогичных по содержанию явлений яснее раскрыть их сущность и универсальность в рамках эволюции человеческих обществ.

Теоретической базой работы служит существующая в рамках неозволюционизма нелинейная концепция социальной эволюции. Она предполагает несводимость исторического пути всякого человеческого общества к единой стандартной модели, а признает множество оригинальных вариантов для каждого из них. При таком взгляде эволюция общества рассматривается как некое пространство, поле, в пределах которого развитие может идти различными путями.¹¹ Такое понимание предполагает в качестве универсального критерия развитости общества степень его внутренней структурной сложности. Суть в том, что «аналогичный уровень социально-политического (и культурного) развития, позволяющий решать одинаково сложные проблемы, встающие перед

¹¹ Бондаренко Д. М. Коротаев А. В. Политогенез, "гомологические ряды" и нелинейные модели социальной эволюции. // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 137; Коротаев А. В. Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. С. 91.

соответствующими обществами, может быть достигнут не только в различных конкретно-исторических формах, но и на принципиально разных эволюционных путях».¹²

Данный подход позволяет точнее и глубже отразить особенности внутренней структуры сложных традиционных обществ, в том числе абхазского, плохо вписывающегося в однолинейную концепцию политогенеза, сводящего его сугубо к росту классовой борьбы и развитию аппарата угнетения и контроля.

Понятийный аппарат, используемый в работе, включает определение "абхазское традиционное общество". Термин "традиционное" в данном случае используется как показатель состояния, в котором оно пребывало. Во-первых, это позволяет подчеркнуть, что речь идет о той фазе исторического развития, когда структура этого общества пребывала в своем самобытном состоянии. Во-вторых, рассматриваемый термин подразумевает, что речь идет об обществе, находящемся на таком уровне структурной сложности, когда универсальным регулятором отношений между людьми и группами в обществе служат не строго кодифицированные нормы права и формализованные бюрократические институты контроля и управления, а устоявшиеся во времени изустно передаваемые традиции и соответствующие им неформальные институты, объединяющие людей.

Основные положения, выносимые на защиту:

- В абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. отсутствовал жесткий сословный антагонизм и бюрократический аппарат подавления, а отношения между властью и населением основывались на вынужденной взаимозависимости и сотрудничестве. Практика управления при этом базировалась на поддержке и участии самого населения и носила ситуативный характер. Основной функцией власти становилось упорядочивание насилия, то есть ограничивалось военно-политической сферой, а степень ее вмешательства в хозяйственную и духовную области жизни населения была мала.

- Горизонтально интегрированные коллективы, охватывающие все население страны, ограничивали притязания лидеров на централизацию, позволяя населению решать значительную часть жизненных задач, не прибегая к единоличному руководству. Одни сообщества основывались на принципе родства, другие - на территориальном принципе. Первый тип представлен фамилией и патронимической группой, второй - суверенным территориальным сословным сообществом *акыта*. Переходной формой между ними являлась соседская община *ахабла-ацута*. Отношения внутри данных сообществ основывались на принципах родственной и соседской солидарности (взаимопомощи и кооперации), обеспечивая населению приемлемый уровень жизни и защиту от основных социальных угроз. Это снижало потребность централизованного управления в социальной и экономической сферах жизни. Однако способность таких сообществ решать военно-политические задачи была мала, обуславливая актуальность единоличного руководства в данной сфере.

¹² Цивилизационные модели политогенеза (под. ред. Д. М. Бондаренко и А. В. Коротаева). М., 2002. С. 5.

- Необходимость лидеров опираться непосредственно на население, с одной стороны, и нужда последнего в военно-политическом руководстве, с другой, обусловили обоюдную заинтересованность в сотрудничестве на взаимовыгодных условиях. Результатом стала реализация властных отношений у абхазов в форме патрон-клиентской связи, предполагающей двусторонние обязательства. Своеобразие абхазского варианта патрон-клиентских отношений заключалось в феномене *полипатроната*, при котором человек мог являться клиентом сразу нескольких патронов, обладая инициативой выбора между ними. Поскольку патрон-клиентские отношения у абхазов оформлялись через родственную (реальную, а чаще фиктивную) или соседскую связь, исключалось отчуждение патрона от массы покровительствуемых под угрозой нарушения фундаментальных этико-правовых норм абхазского общества. Вкупе с *полипатронатом* это блокировало переход власти патрона к жесткой авторитарной модели.

- Институционально состояние взаимозависимости и вынужденного сотрудничества правящей и подвластной частей общества воплотилось в народном сходе и ополчении. Народный сход представлял собой всеобщий механизм согласования и управления, призванный обеспечить консенсус между различными политическими, социальными и территориальными группами в принятии управленческих и судебных решений. Абхазское войско также было всеобщим и существовало в форме территориального ополчения. Это лишало лидеров возможности использовать военную силу для упрочения своей власти над населением.

- Основной формой территориального и социально-политического устройства абхазов служило *акыта* - самоуправляющееся всеобщее территориальное сообщество. В организационном плане оно представляло собой объединение соседских сельских общин. Это был целостный социально-политический организм, отношения между сословиями внутри которого основывались на взаимозависимости, а властные отношения реализовывались в виде патрон-клиентской связи между главой (*ахылапшюу*) сообщества и его рядовых членов (*хипшы*). Среди последних преобладало лично свободное крестьянство (*анхаю*), которое делегировало главе-покровителю полномочия по управлению сообществом в обмен на протекцию и невмешательство в хозяйственно-бытовые и духовные стороны жизни. Социальное и политическое единство *акыта*, а равно и его способность к самоуправлению и самообороне обеспечивались всеобщими институтами: народным сходом и ополчением.

- *Акыта* представляло собой надродовую форму интеграции людей, основанную на социальном компромиссе, общности территории проживания и наличии централизованного руководства. Поэтому *акыта* уместно рассматривать не как родовую или феодальную общину, а как самобытный тип территориально-политического устройства, созданный абхазским народом.

Достоверность результатов исследования обусловлена спецификой и фундированностью источниковой базы. Всю совокупность источников, на которую опирается данная работа, можно разделить на две группы.

Первую составляют документальные источники. Это официальные отчеты и донесения военных чинов российской армии и гражданских служащих краевой администрации, составленные на протяжении XIX в. Среди них особо подробные и ценные сведения содержат отчеты по сбору сведений о политическом устройстве и сословно-поземельных отношениях в Абхазском владетельном княжестве в период его упразднения и проведения крестьянской реформы в 1860-1870-х годах.

Подлинники этих документов были в свое время выявлены и скопированы Г. А. Дзидзария (1914-1989), работавшим в фондах Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ныне РГВИА), Центрального государственного исторического архива СССР (ныне РГИА), Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (ныне ГАРФ), Центрального государственного архива Военно-морского флота СССР (ныне РГАМФ), Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (ныне ЦИАГ), Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Абхазской АССР (ныне ЦГАА, большая часть фондов архива погибли во время грузино-абхазской войны 1992-1993 гг.). Выдающийся ученый готовил издание полного свода доступных для исследователей отечественных архивных документов по истории Абхазии XVIII-XIX вв., но лишь недавно, в 2008-2012 гг. этот трехтомный свод вышел в свет, став ценнейшим источником сведений.¹³

Вторую категорию источников составили литературные материалы. Это личные воспоминания, путевые заметки или очерки в периодических изданиях, содержащих сведения о лично наблюдавшихся авторами особенностях жизни населения Абхазии. Наибольший интерес среди них представляют воспоминания Ф. Торнау¹⁴ и Л. Серебрякова,¹⁵ а также статьи, опубликованные в периодических изданиях середины - второй половины XIX в., основная часть которых собрана в сводном издании "Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - начало XX вв.)".¹⁶ К этой же категории источников относятся историко-этнографические работы, рассматривающие образ жизни автохтонного населения Западного Кавказа, которые были написаны непосредственно в период существования описываемых явлений. Особый интерес среди них представляют работы А. Введенского,¹⁷ П. Гибалы,¹⁸ С. Званба,¹⁹ П. Краевича,²⁰ Г. Рыбинского²¹ и др.

¹³ Материалы по истории Абхазии XIX века. Сухум, 2008. Т. I; Материалы по истории Абхазии XVIII-XIX века. Сухум, 2011. Т. II; Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III.

¹⁴ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. 1.

¹⁵ Серебряков Л. М. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет. // Морской сборник. 1865. №6. С. 90-105.

¹⁶ Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I; Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.) Сухум, 2008. Кн. II.

¹⁷ Введенский А. Н. Абхазы (Азегга). // Сборник сведений о кавказских горцах. 1872. Вып. VI. С. 1-48.

¹⁸ Гибаль П. Сведения об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве за 1820 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2008. Т. I. С. 133-151.

¹⁹ Званба С. Зимние походы убыхов в Абхазию. // Кавказ. 1852. №33. С. 136-138.

²⁰ Краевич П. Д. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-25.

Апробация результатов исследования.

Данная диссертационная работа обсуждалась на заседании кафедры Истории России и Зарубежных стран Исторического факультета Абхазского Государственного Университета, где была рекомендована к защите. Позже работа обсуждалась на заседании отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, где так же рекомендована к защите. Результаты исследования изложены в статьях, опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертационной работы включает введение, четыре главы, заключение и перечень используемых в работе источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I. Основные черты социально-экономического строя и политической культуры абхазов в конце XVIII - второй половине XIX века

§ 1. Экономический уклад

Сложившийся у абхазов тип хозяйствования характеризовался низкими трудозатратами при многоукладности, когда задача накопления продовольствия решалась путем сочетания целого комплекса производящих и присваивающих форм. Он был лишенный стремления к форсированной эксплуатации природных ресурсов, чреватой их истощением. Особенность имущественных заключалась в аморфности института частного землевладения и отсутствии эквивалентного обмена в форме товарно-денежных отношений как постоянной и универсальной экономической практики.

Таким образом, в обществе исключалось резкое отчуждение людей на материальной почве, обеспечивался всеобщий доступ к первичными экономическими благам и отпадала необходимость в централизованном распределении ресурсов в масштабах страны.

§2. Основные черты социального строя

Абхазский социум состоял из трех сословных групп: знати, крестьянства и рабов.

На вершине абхазского общества находился *ах* - владелец всей Абхазии - верховный суверен страны, высшая чрезвычайная судебная инстанция.

Сословие знати делилось на категории князей - *атауад* и дворян – *аамста*.

Сословие крестьян состояло двух из категорий. Лично свободные крестьяне – *анхаю*, которые обладали правом собственности на землю, перемены места жительства и применения оружия - составляли порядка 70% населения. *Анхаю* являлись основным производителем в хозяйстве страны и основной рабовладельческой группой.

Другая категория крестьян – *ахую* были лично зависимые (крепостные). Они вели индивидуально хозяйство и отбывали повинности в пользу своего господина.

²¹ *Рыбинский Г. А.* Скотокрадство в Абхазии. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.) Сухум, 2008. Кн. II. С. 308-312; *Рыбинский Г. А.* Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894.

Рабы – *ахацала* - были бессемейными и не имели никаких имущественных прав.

Любопытной чертой сословно-категориальной структуры абхазского общества было наличие обособленных переходных социальных групп между общественными стратами.

Внутренняя жизнь абхазского общества конца XVIII - второй половины XIX в. характеризовалась развитыми традициями групповой солидарности, родственной и соседской. Эта солидарность реализовывалась в форме реципрокного обмена, который гарантировал каждому члену коллектива доступ к его ресурсному и социально-политическому потенциалу.

При системообразующей роли групповой солидарности в структуре абхазского общества, реальные возможности всякого человека определялись совокупным количеством людей, готовых его поддержать. Широта социальных связей и репутация человека порождали авторитет, как показатель его реального статуса в обществе.

Ресурсный и социально-политический потенциал всякого коллектива складывался из потенциала его членов, поэтому коллектив был заинтересован в росте авторитета и богатства каждого из них. Культура и социум у абхазов не подавляли социальную активность личности, а регулировали их таким образом, чтобы растущее влияние, богатство и слава человека становились достоянием тех родственников и соседских групп, к которым он относился.

§ 3. Особенности политической культуры

Иерархически организованных структур контроля и управления, отделенных от населения, то есть бюрократии, в Абхазии XVIII-XIX вв. не существовало.

Персонифицированный, личностный характер общественных отношений приводил к тому, что любое политическое событие понималось как имеющее отношение исключительно для его непосредственных участников. Сама власть в абхазском обществе понималась не столько как институт, сколько как свойство личности. В деле ее обретения и удержания персональные качества играли более важную роль, чем социальное происхождение и материальная состоятельность. Такое понимание власти ограничивало возможность лидеров эффективно использовать формальные рычаги влияния на общество - идеологию и право.

Значимым фактором политической жизни страны было использование лидерами родственных и соседских коллективов как орудия упрочения своей власти. Однако такая связь порождала взаимные обязательства, поэтому всякое управленческое решение представляло собой консенсус между интересами лидера и коллектива, на который он опирался.

Характерной чертой жизни абхазов была особая роль старейшин, обладавших правом давать морально-правовую оценку происходящим событиям. Они контролировали хозяйственную и идеологическую сферы жизни общества, а всякая политическая сила в пределах Абхазии обязана была с этим считаться.

Важной особенностью политической культуры абхазов было отсутствие судебного иммунитета правящего слоя относительно массы простого народа.

Глава II. Власть и лидерство в абхазском обществе в конце XVIII - второй половине XIX века

В разделе рассмотрен вертикальный вариант интеграции людей в абхазском обществе, воплощенный в феномене лидерства и практике управления.

§ 1. Источники власти

Персонафицированный характер социально-политических отношений в абхазском обществе делал главным условием обретения власти персональные качества лидера, а мерилom значимости в социуме - личный авторитет. Вследствие этого абхазское общество не ведало непроницаемых социальных перегородок. Знать, хотя численно и преобладала среди территориальных и военных предводителей, абсолютной монополией на руководство не обладала. На недостижимой высоте находились лишь персоны владетельных и удельных князей Чачба (Шервашидзе) и Амарщан (Маршания).

Статус и реальные возможности всякого лидера напрямую зависели от его сети доверия - круга людей, связанных с ним личными взаимными обязательствами, основанными на родстве или патронаже. В условиях отсутствия в абхазском обществе бюрократических институтов такая сеть была единственным механизмом распределения управленческой, военной и хозяйственной нагрузки, непомерным бременем ложащейся на плечи лидера и его семьи. Значение для всякого лидера круга лично связанных с ним людей было столь высоко, что его утрата был чревата потерей общественно-политического статуса и переходом на более низкую социальную ступень, а также обнищанием. Утверждение власти лидера над определенной территорией также зависело от числа находящихся под его влиянием местных жителей.

Особым источником обретения и упрочения власти в Абхазии в конце XVIII - второй половине XIX в. было использование управленческих ресурсов какой-либо внешней политической силы, когда лидер стремился выступить как представитель этой силы и тем обосновать ее использования в угоду себе. Для лидеров локального уровня такой внешней силой была поддержка какого-либо могущественного князя или, шире, фамилии, обладающей влиянием в масштабах страны. В случае с удельными князьями и владетелями, правившими целыми провинциями страны, внешней поддерживающей силой могла быть власть наиболее влиятельных в регионе держав - Российской и Османской империй.

Возможность использовать насилие как источник власти в абхазском социуме была ограничена. Элита не обладает монополией на насилие, широко практиковались родственная взаимопомощь и кровная месть, а персонафицированный характер общественно-политических отношений обращал всякий политический конфликт в межличностный. Поэтому властный террор в абхазском обществе реализовывался чаще индивидуально и не публично, имея целью не уничтожение или абсолютное порабощение, а принуждение к соглашению и лояльности.

Право собственности на землю и, шире, - благосостояние лидера, само по себе не представляло собой полноценный источник власти. Скорее наоборот, богатство было результатом обретения власти и основывалось на реальном господстве и способности извлекать прибыль, а не на формальном праве

владения. Лишь во второй половине XIX в., беря пример с соседних стран и из стремления обогатиться, абхазские лидеры стала предпринимать попытки превратить земельные угодья на подконтрольных территориях в неотчуждаемое частное землевладение, что было для Абхазии новшеством.

Истинная роль социального происхождения в деле обретения и удержания власти в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX вв., заключалась видимо в том, что облегчало ему задачу легитимации собственной власти, подкрепляло его авторитетом "благородного" сословия.

§ 2. Факторы ограничения власти

Поскольку речь идет об обществе с сильными традициями народовластия, важно определить факторы, ограничивающие в нем власть как социальную силу, а именно:

- обусловленное экономическим укладом отсутствие нужды в централизованной системе, управляющей производством и распределением экономических благ в обществе;
- наличие родственных и соседских сообществ, спаянных духом групповой солидарности, которые ограничивали лидеров в возможности осуществлять индивидуальное принуждение;
- личностный, персонифицированный характер социально-политических отношений, который не позволял устанавливать универсальные, общие для всех стандарты взаимоотношений между лидерами и подчиненными;
- отсутствие монополии верхушки общества на насилие, как и институтов легального подавления, открыто действующих в интересах власти;
- господство рассеянного, хуторского способа расселения, что не позволяло лидерам эффективно наблюдать и вмешиваться в жизнь подвластных;
- территориальная мобильность населения, мешающая власти эффективно локализовать очаги непокорности и чреватая для лидера утратой подвластных в случае, если они сочли его отношение к себе неприемлемым;
- правящий класс не обладал правовым иммунитетом в отношении простолюдинов;
- этическая система абхазов (*ансуара*) предписывала людям модели поведения, плохо или совершенно несовместимые с установлением безусловного подчинения. Нарушение всяким лидером этических норм таило угрозу потери авторитета, а равно и самой власти.

§ 3. Функции власти

В условиях высокой степени экономической и духовной самодостаточности абхазского народа, сочетавшейся с характерной для горско-кавказского общества конфликтностью, власть была востребована главным образом как сила, способная упорядочить насилие. Эта обусловило две основные функции власти в абхазском обществе – военного руководства и судебно-посредническую. Всякий лидер у абхазов был, прежде всего, военным предводителем, способным организовать защиту от внешней опасности, ограничить внутреннюю агрессию и направить ее вовне - против политических врагов, для обогащения и славы. Исполнение же роли судьи и посредника позволяло лидеру умиротворять конфликты внутри

подконтрольных коллективов и одновременно реализовывать свою волю от имени народа и под личиной блюстителей порядка и традиций.

§ 4. Принципы и институты управления

Система управления в Абхазии конца XVIII - второй половины XIX в. не была отделена от общества. Власть в лице конкретных лидеров осуществляла управление в сотрудничестве с институтами народовластия - территориальными и родственными сообществами. Принятие важных управленческих решений предполагало консенсус. Постоянных, оторванных от общества и производства структур исполнительной власти, то есть бюрократии, не существовало. Для реализации всякого управленческого мероприятия в каждом конкретном случае формировалась оригинальная по составу группа исполнителей. Их подбор осуществлялся лично руководителем методом кооптации. Эти особенности в полной мере воплощались в институте княжеских представителей - *ацнахума* как зачаточной формы бюрократии. Это были приближенные господина, пополнявшиеся выходцами из разных сословий и связанные с ним неформальными личными узами.

Важным управленческим механизмом, находящимся в эксклюзивном распоряжении владетельного князя страны, являлось исполнение роли высшей судебной инстанции, поскольку лояльность подвластных всякого лидера попадала в зависимость от выносимых в отношении его дел судебных решений, а значит – верховного суверена.

§ 5. Типы политического лидерства

Политическое лидерство у абхазов в изучаемый период было представлено двумя типами.

Первый характеризуется большими масштабами подконтрольной территории, возможностью наследования власти, однородным социальным составом, опосредованным управлением через представителей. Это были лидеры исключительно знатного происхождения, могущими передавать свою власть по наследству внутри собственных родственных коллективов и господствующими над определенными провинциями или областями страны. Управление на этом – княжеском - уровне власти осуществлялось опосредованно, через представителей господина. В масштабах страны власть князей, в отличие от более мелких лидеров, имела надтерриториальный характер.

Второй - это тип локального лидерства, характеризующийся смешанным социальным составом предводителей, их непосредственным участием в жизни подвластного населения, ненаследуемостью власти. Он охватывал управление на местах и представлен главами территориальных сообществ (*ахылапшаю*) и представителями князей (*ацнахума*). Особенностью этого низового уровня управления было отсутствие четко выраженной дистанции между руководителями и остальной массой населения в быту, уровне состоятельности, месте проживания, а порой и социальном происхождении. На этом уровне власти лидер лично участвовал во всех важных событиях на подвластной территории, сам принимал решения и воплощал их в жизнь.

§ 6. Динамика властных отношений в Абхазии в конце XVIII - второй половине XIX века

На протяжении указанного времени властные отношения в абхазском обществе претерпевали изменения, обусловленные двумя обстоятельствами.

Первым обстоятельством был передел сфер контроля на Западном Кавказе между Османской и Российской державами. По этой причине страна стала утрачивать суверенитет, а правящий слой - устойчивость своего положения. Внутри абхазской элиты разгорелась борьба, вызванная, во-первых, необходимостью совершить политический выбор между пророссийской и проосманской ориентацией, во-вторых, конкуренцией за возможность использовать столь действенный в местных условиях источник власти, как поддержка одной из упомянутых внешнеполитических сил. Итогом стал раскол не только самого правящего класса Абхазии, но и родов, из которых он состоял.

Вторым обстоятельством стал массовый исход коренного населения за рубеж, в результате чего сократилось население страны и появились большие пространства, лишенные населения и собственников. За счет установления контроля над такими территориями лидеры местного, локального уровня усилили свою политическую роль.

Шедший на протяжении всего XIX в. процесс втягивания Абхазии в экономическое и правовое пространство Российской империи привнес новшества. В стране распространилось представление о частном землевладении, а высокий социально-политический статус аристократии получил государственную поддержку и был закреплен юридически.

В абхазском обществе возросло имущественное и социальное расслоение. Экономическая состоятельность и наличие служебных должностей стали новыми, серьезными основаниями социального статуса правящего слоя в Абхазии. Крестьянство при этом утратило трудовое право на землю, возможность свободного пользования природными ресурсами и способность оказывать насильственное сопротивление знати. Традиционная структура абхазского общества претерпела необратимые изменения.

Глава III. Традиции народовластия и формы самоорганизации в абхазском обществе в конце XVIII - второй половине XIX века

В главе рассматривается горизонтальный вариант интеграции людей в абхазском обществе, реализованный в институтах и традициях народовластия.

§ 1. Сущность народовластия в абхазском обществе

Необходимость рационально организовать трудовую деятельность, обеспечить безопасность от экономических, социальных и политических рисков вынуждало население Абхазии самостоятельно объединяться в коллективы, обеспечивающие решение этих задач.

Сложившийся порядок вещей более всего устраивал основную часть населения - лично свободное крестьянство (*анхаю*), которое выступало главным носителем традиций народовластия в обществе, руководствуясь стремлением:

- защитить свою самостоятельность от притязаний знати, дабы избежать утверждения крепостнических отношений;
- сохранить хозяйственный уклад, препятствующий имущественному расслоению общества;

- желанием населения каждой местности и каждой родственной группы самостоятельно принимать политические решения в условиях хронической нестабильности;

- сохранить возможность самостоятельно формировать картину мира и тем самым обеспечить себе когнитивную свободу.

§ 2. Источники народовластия в абхазском обществе.

Как состояние хозяйственной, духовной и социальной самодостаточности, народовластие у абхазов основывалось на комплексе обстоятельств.

Важнейшим из них служил принцип солидарности как способ коллективного распределения социальной нагрузки, экономических благ, а также обеспечения взаимопомощи между людьми. Он блокировала отчуждения людей на материальной и социальной почве и служил эффективным ответом на актуальную для горско-кавказского общества угрозу насилия.

Выполнение последней задачи реализовывалось через традицию кровной мести, позволяющей и, в какой-то мере, обязывающей население обеспечивать свою безопасность и совершать правосудие самостоятельно. Это была альтернатива исполнительной власти, которая серьезно снижала как потребность, так и возможность создания универсальных надродовых институтов правосудия, обладающих монополией на насилие. Реализуя приоритет личных и групповых интересов над общественными, кровная месть поддерживала разделение общества на самодостаточные, конкурирующие коллективы.

Экономической основой народовластия в абхазском обществе являлся хозяйственный уклад, предполагающий ограниченное потребление ресурсов и трудовое право на землю. Это препятствовало концентрации экономических благ в одних руках и формированию неотчуждаемого частного землевладения. Так обеспечивалось сохранение индивидуальных крестьянских хозяйств, а значит - экономическая самодостаточность крестьянства.

Аналогичная ситуация сложилась в духовной сфере, где правящий слой абхазского общества не мог серьезно воздействовать сознание масс. В Абхазии не было каких-либо универсальных культов и религиозных практик, одинаково почитаемых всеми представителями абхазского народа. Основная масса старейшин - категории, наделенной правом давать морально-правовую оценку происходящим событиям, относилась к лично свободным крестьянам *анхаю* и выражала чаянья собственного социального слоя. Это обусловило когнитивную самодостаточность основной массы простого народа в Абхазии.

§ 3. Социальная основа традиций народовластия

Носителем и защитником эгалитарных традиций в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX вв. была категория лично свободных крестьян - *анхаю*, составлявшая 70 % населения страны. Объединяясь в родственные и соседские коллективы, свободные крестьяне на равных со знатью участвовали в народном сходе - институте принятия политических важных решений у абхазов.

Взаимодействие *анхаю* с лидерами строилось на принципе взаимных обязательств и обоюдной выгоды. Такой характер взаимоотношений *анхаю* с властью имущими основывался на праве и возможности самостоятельно

распоряжаться личным движимым имуществом, менять своего покровителя и место жительства.

§ 4. Формы горизонтально интегрированных сообществ

В Абхазии рассматриваемого периода горизонтально интегрированные коллективы были универсальными безальтернативными формами объединения людей, замещавшими собой надродовые бюрократические институты управления.

Принципы, на которых основывались такие коллективы - родственный и территориальный, были представлены соответствующими формами эгалитарных объединений.

Родственные формы самоорганизации населения были представлены: союзом нескольких фамилий, собственно фамилией (родом) (*ажьлар*), патронимией (*абипара*) и наконец, входившими в его состав большими семьями. Они интересны как формы организованности, могущие выступать как коллективный субъект социально-политических отношений.

На разных уровнях абхазского социума были предпочтительны разные формы родственной солидарности. Для знати, нуждавшейся, прежде всего, в военно-политической поддержке, приоритетной была родственная солидарность на уровне фамилии. Высокая концентрация представителей знатного рода в одном месте была ему противопоказана, поскольку возникал конфликт интересов, разрушающий его единство.

Для крестьянства, нуждающегося в трудовой кооперации, предпочтительной формой родственного коллектива была патронимия, способная выступать как полноценный орган самоуправления и субъект политических отношений локального уровня. В отличие от территориально разобщенной фамилии, единство которой реализовывалось только в экстраординарных случаях, патронимия представляла собой модель совместной жизни и постоянного сотрудничества родственной группы людей. Структурно она являлась соединением нескольких больших семей.

Ее строгая локальная привязка указывает, что это была переходная форма между родственным и территориальным типами коллективов.

Территориальные формы самоорганизации населения. К началу изучаемого в работе периода можно констатировать превращение территориального принципа самоорганизации населения Абхазии в основной.

Базовой единицей территориальной самоорганизации населения Абхазии была соседская община *ахабла-ацута*, которая представляла собой единый родственно-территориальный кластер, объединяющий родственное (патронимия) и территориальное (соседская община) сообщества, состоящие из одних и тех же людей и обладающий едиными институтами, обеспечивающими кооперацию их деятельности в важнейших сферах - военной и трудовой.

В военной сфере это была *амцахара* - отряд боеспособных мужчин отдельной соседской общины - основная организационно-тактическая единица войска у абхазов. Как собрание боеспособных мужчин общины, *амцахара* являлась не просто боевым отрядом, но институтом, выполнявшим также социально-политическую функцию. Принимая участие в народных собраниях и

судах в качестве коллективного представителя своей *ахабла-ацута*, этот отряд публично отстаивал ее интересы.

Институтом обеспечения кооперации деятельности людей внутри абхазской соседской общины был *киараз* - периодически возникающая группа людей, объединенных близостью места проживания и сообща выполняемой задачей, будь то трудовая или оборонительная. основополагающими принципами в формировании этого института были территориальный и функциональный. В каждой соседской общине *киараз* возникал постоянно и базировался на добровольном участии людей, желающих совместными усилиями решить актуальную для всех задачу. Это был институт, расширяющий масштабы реципрокного обмена за пределы родственного коллектива и распространяющий его на людей, связанных общностью места проживания.

Глава IV. Социально-политическая и территориальная структура абхазского общества в конце XVIII - второй половине XIX века

Специфика социально-политической структуры абхазского общества заключалась в том, что вертикальный и горизонтальный варианты интеграции находились в состоянии устойчивого равновесия и взаимодействия. Содержанием сложившейся социально-политической структуры стало поддержание консенсуса и сотрудничества между лидерами и массой лично свободным крестьянством.

§ 1. Патрон-клиентские отношения у абхазов

Основной формой реализации властных отношений у абхазов были патрон-клиентские отношения, имеющие надсословный характер. Градация между лидерами-покровителями (*ахылапшуу*) и клиентами (*хипшы*) определялась не сословной принадлежностью, а фактом реального общественно-политического преимущества одной персоны над другой.

Институционально патрон-клиентская связь у абхазов оформлялась в виде родственной, квазиродственной, соседской или персональной протекции, то есть в виде патриархальной связки старший-младший. Во взаимоотношения патрона и клиента привносился элемент родственной солидарности, порождая между ними обоюдные обязательства помощи, защиты и доверия. Так обеспечивалась устойчивая двусторонняя связь, при которой лидеры укрепляли свое влияние на общество за счет возможности последнего абсорбировать значительную долю результатов их борьбы за власть. Это препятствовало избыточной концентрации ресурсов и прав в одних руках.

Исходя из характера патрон-клиентских связей у абхазов в изучаемый период, можно выделить два варианта:

- а) в форме родства;
- б) в форме территориального или частного патронажа.

Первый вариант реализовывался в виде реального, кровного родства, или чаще фиктивного – молочного братства и *аталычества*.

Второй вариант был представлен:

- патронажем глав территориальных сообществ (*акыта*) над их населением;
- протекцией князей над своими личными представителями на местах (*ацнахума*).

Как поле социальной игры патрон-клиентские отношения предполагали стремление самих клиентов-*хипшы* по максимуму использовать потенциал патрон-клиентской связи в своих интересах, а потому обладать не одним, а множеством патронов. Так у абхазов сложился *полицатронат*, при котором клиент стремился заручиться благосклонностью как можно большего числа патронов, в результате чего их влияние на него взаимно блокировалось, а его социальная позиция усиливалась. Это был вариант реализации властных отношений, который закреплял социальные позиции правящего класса и массы подвластных, препятствуя углублению социальной пропасти между ними.

§ 2. Народный сход и ополчение как всесословные формы соорганизованности людей

В абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. народный сход и войско были организованы таким образом, чтобы обеспечить взаимозависимость и сотрудничество правящего слоя и массы простого народа при выполнении практических задач по управлению и обороне. Основной организационной составляющей как народного схода, так и в войска служило *амцахара* – объединение мужчин дееспособного возраста, представлявших собственную общину или родственный коллектив.

Народный сход являлся всесословным территориальным институтом управления, позволявшим широким слоям населения участвовать в принятии решений и исключало появление бюрократического аппарата.

Народный сход у абхазов являлся, прежде всего, институтом согласования, целью которого было публичное достижение консенсуса. Через сход осуществлялась легитимация власти, в виде получения публичного согласия, означавшего достижения компромисса между лидерами и обществом. Поэтому представители правящего класса были заинтересованы участвовать в сходе.

Народный сход объединял людей по признаку общности места проживания и функционировал на двух уровнях: локальном - в масштабах *акыта* и региональном - в масштабах провинций, на котором собирались представители от входящих в них сообществ.

Процедурная близость обусловила тот факт, что народный сход и суд в абхазском обществе не были отделены друг от друга, а представляли собой две ипостаси единого института: функционирование обоих было организовано в виде публичных дебатов.

Аналогичным образом у абхазов было организовано войско, которое представляло собой всесословное территориальное ополчение.

Институт профессионального войска в Абхазии в конца XVIII- второй половины XIX в. отсутствовал. Не имея альтернативы, в качестве боевой силы лидеры вынуждены были привлекать простой народ. Рядовое крестьянство - основная часть войска, становилось главной военной силой страны. Такое войско можно было использовать для борьбы с внешним врагом, но не как инструмент подчинения населения.

§ 3. Акыта как универсальная форма социально-политической и территориальной организации абхазов

Самобытной структурой, в рамках которой территориальная (объединение соседских общин), социальная (взаимозависимость сословий), политическая (народный сход) и военная (ополчение) составляющие соединялись в единый социально-политический организм, было *акыта* - самоуправляющееся всесословное сообщество соседских сельских общин (*ахабла-ацута*).

Как автономное территориально-политическое объединение, *акыта* включала два института, обеспечивающих ее самоуправляемость. Первый - народный сход, общее экстраординарное собрание населения *акыта* по судебному или управленческому вопросу.

Второй - регулярная управленческая субстанция в лице главы, покровителя сообщества - *ахылапшую*, в отношении которого все население и гости *акыта* занимали статус "покровительствуемых" (*хипшы*).

Пахотные земли на территории сообщества находились в частном владении, основанном на факте вложения в них труда, т. е. расчистки и распашки. Остальное полезное в хозяйственном отношении достояние сообщества – лес, водоемы и пастбища - находились в общем пользовании его жителей.

Какого-либо способа превращения земельного фонда сообщества и статуса его главы-покровителя в неотчуждаемые не существовало. Отсутствовала и монополия аристократии и *ахылапшую* на насилие. Наиболее важные вопросы в жизни *акыта* решались не единолично главой, а общим собранием ее дееспособного лично свободного мужского населения. Родственные и квазиродственные (*аталычество* и молочное родство) связи, долг гостеприимства и соседской взаимопомощи, роль общественного мнения – все это приводило к тому, что социальные отношения внутри *акыта* основывались на глубокой взаимозависимости сословий, а властные отношения реализовывались в форме патрон-клиентской связи между *ахылапшую* и *хипшы*. Среди последних преобладало лично свободное крестьянство (*анхаю*), которое делегировало главе-покровителю полномочия по управлению сообществом в обмен на поддержку его властных притязаний, одновременно сдерживая его притязания посредством институтов родственной и соседской солидарности и взаимных личных обязательств между лидером и подвластными.

Таким образом, сообщество *акыта* являлось надродовым всесословным механизмом регуляции взаимоотношений разнородных социальных сил, обеспечения экономической самостоятельности и безопасности населения на обособленной территории. Способность к самоуправлению, хозяйственная самодостаточность, обороноспособность и обладание собственной территорией обуславливали суверенность *акыта* как самостоятельного территориально-политического объединения - полноценного субъекта политики локального уровня.

Заключение

Социально-политическая структура абхазского общества конца XVIII - второй половины XIX в. явилась наглядным примером социального симбиоза, при котором отношения между правящим слоем и массой простого народа основывались на вынужденной взаимозависимости и сотрудничестве власти и населения.

Власть в абхазском обществе не располагала бюрократическим аппаратом, практика управления предполагала широкое участие населения и носила ситуативный характер. Основной функцией власти при этом становилось упорядочивание насилия, а возможность вмешиваться в иные сферы жизни общества была ограничена.

Предел притязаниям лидеров устанавливали родственные и соседские коллективы, позволяющие населению самостоятельно решать хозяйственно-бытовые задачи. Однако решать военно-политические задачи эти сообщества могли только при условии единоличного руководства.

Необходимость лидеров опираться непосредственно на население в целях укрепления и реализации своей власти, с одной стороны, и нужда последнего в военно-политическом руководстве, с другой, обусловили вынужденную взаимную заинтересованность этих сторон в социальном сотрудничестве. Результатом стала реализация властных отношений у абхазов в форме патрон-клиентских отношений, предполагающих двусторонние обязательства. Своеобразие абхазского варианта патрон-клиентских отношений заключалось в феномене *полипатроната*, при котором человек мог являться клиентом сразу нескольких патронов, по факту обладая инициативой выбора между ними согласно своим интересам, что блокировало переход власти патрона к жесткой авторитарной модели.

Институционально состояние взаимозависимости и вынужденного сотрудничества правящей и подвластной частей общества воплотилось в народном сходе и ополчении - всеобщих формах организованности людей, которые обеспечивали возможность совместного осуществления управленческой и судебной практики, а также выполнения боевых задач между представителями разнородных социальных общностей.

Основной формой территориального и социально-политического устройства абхазов было *акыта*. Как самоуправляющееся, способное к самообороне сообщество, обладающее собственной территорией, *акыта* являлось суверенным субъектом политических отношений локального уровня. Это была надродовая форма интеграции людей, основанная на социальном компромиссе, общности территории проживания и наличии пусть ограниченного, но централизованного руководства. Ввиду этого *акыта* уместно рассматривать не как родовую или феодальную общину, а как локальный вариант суверенного территориального объединения, присущего горским народам различных регионов мира.

Библиография включает в себя список источников, на которых основано исследование, а также перечень использованной научной литературы.

Статьи, отражающие основные положения диссертационной работы, опубликованные в изданиях, утвержденных ВАК РФ:

- 1) Пигарь С. С. Формы территориально-политической самоорганизации абхазов в XVIII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2014. № 3. С. 117-127.
- 2) Пигарь С. С. Патрон-клиентские отношения у абхазов в XIX в. // Проблемы истории, филологии и культуры. 2015. № 4. С. 185-192.
- 3) Пигарь С. С. Лидерство у горцев Кавказа в XIX в.: абхазский вариант // Известия СОИГСИ. 2017. № 24 (63). С. 26-36.

Публикации в других изданиях:

Пигарь С. С. Традиции народовластия и формы самоорганизации населения на западном Кавказе в XIX в. (на примере абхазов). // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 80-97.